

Ч.ЦЫБИКОВ
Ц.ЖИГМЫТОВ

12+

Бабайка

Сказка для детей и отцов младшего возраста

**Цогто Валерьевич Жигмытов
Чингиз Григорьевич Цыбиков
Бабайка**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=30808169

SelfPub; 2018

Аннотация

Сказка для детей и отцов младшего возраста. Существо, которое называет себя Бабайкой, похищает мальчика по имени Никита. Его отец, Григорий, проходит через несколько миров и множество испытаний, но всё-таки возвращает сына домой – что оказывается совсем не простым делом. Иллюстрация на обложке – С.Дугарова.

Содержание

1. Путешествие в стол	6
I	6
II	8
III	13
IV	15
V	17
VI	20
VII	21
VIII	23
IX	24
X	25
XI	26
XII	28
XIII	29
2. Красная черепаха	32
I	32
II	33
III	35
IV	39
V	40
VI	41
VII	42
3. Оранжевый бег	47

I	47
II	50
III	52
IV	55
V	56
VI	59
VII	60
VIII	61
IX	64
X	66
XI	69
XII	71
XIII	73
XIV	76
XV	79
XVI	82
4. По следу жёлтого дракона	86
I	86
II	89
III	92
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Ч.Цыбиков, Ц.Жигмытов

БАБАЙКА

(сказка для детей и отцов младшего возраста)

1. Путешествие в стол

I

Лес осенний прозрачен, тих и по-своему красив. Даже пригородный, даже такой загаженный, как этот. Отдельные несознательные личности повадились сбрасывать тут разного рода бытовой мусор, отходы от ремонта, старую мебель, а лес всё равно живёт. Мы идём с Никиткой, хрустят сухие веточки под ногами и мягко проминается под подошвой толстый слой перепревшей хвои.

Выходим на просеку с опорами ЛЭП. Видимо, грунт на ней подравнивали бульдозером, иначе откуда здесь этот обрывчик?

В обрывчике – нора.

– Там бабайка? – спрашивает Никитка.

Я рассеянно смотрю на нору и отвечаю:

– Может быть.

– А она придет к нам домой? – продолжает спрашивать сын.

– Зачем она нам, – говорю я. Только бабайки нам не хватало.

– Пусть придет, – требует сын. Для своих неполных четырех лет он иногда бывает чрезмерно настойчив.

– Ладно, – говорю я. – Пусть приходит.

– Бабайка страшная?

– Страшная, – подтверждаю я.

– Нет, – говорит сын. – Она хорошая.

– Симпатичная? – спрашиваю.

– Да, – не раздумывая, подтверждает Никитка.

И мы идем дальше.

Странная нора, думаю я. Для бурундука великовата, для медведя маловата, барсуку, наверное, была бы в самый раз, но барсуки у нас, насколько я знаю, не водятся.

II

Вечером следующего дня в дверь постучали. Все бы ничего, да только это была дверь стола. Дверца, если быть точным. И стучали изнутри. Деликатно так.

– Кто там?

Не самый умный вопрос. «Это мы, карандаши». Конечно же, мне никто не ответил, и я уже почти убедил себя в том, что мне показалось, но тут в дверцу постучались снова. Бояться я не боялся. Как-то сложновато представить, что что-то может угрожать мне из тумбы моего собственного стола, но все-таки я колебался.

И тут постучали в третий раз.

И я открыл.

– Здравствуйте.

– Добрый день, – механически откликнулся я.

Больше всего оно походило на плюшевого медвежонка. Только живого, в очках и ростиком сантиметров так в тридцать-тридцать пять. Медвежонок-интеллигент смотрел на меня своими вооруженными оптикой глазами и молчал.

Жаль, что я не пью, подумалось мне, тогда бы я знал, каков диагноз. А так – что думать, на что надеяться?

– А вы, собственно...?

– Ох... – сказал медвежонок. – Простите, конечно же...
Бабайка.

Тац! – щёлкнуло в моей голове.

– ...из рода Бохолдэ. А где Никита?

– Никита в своей комнате, – машинально ответил я.

Бабайка, значит. Нет, не стоит думать, что я сошел с ума.

Ничего мне такой подход не даст. И собственно, что я теряю?

Поговорю с бабайкой, а там видно будет.

– Э-э-э... – начал я. – А, собственно, чему обязан?

Задним числом, меня самого удивила высокопарность моей речи, но и вы меня поймите – опыт разговоров с бабайками тогда отсутствовал у меня напрочь.

– Вы сами меня позвали, – сказала бабайка и спрыгнула на пол.

– Я позвал? – удивился я.

– Ну если быть точными, то позвал меня Никита, – сказала бабайка. – А вы не возражали.

Да... действительно не возражал. Бабайка шла по комнате, разглядывая книжные полки, и неторопливо говорила.

– А у вас действительно уютно. Такой милый, домашний беспорядок... о! Ленин! Не в каждом доме на полке стоит он, прямо скажем... Не переживайте, вы всё правильно сделали.

Особенно Никита.

– А что сделал Никита? – спросил я.

– Он сказал, что я хороший. Это очень важная оговорка.

Тут бабайка остановилась, посмотрела на меня, и я обмер; всё вокруг стало большим, много больше, чем я. Мне показалось, что я заглянул в пасть, наполненную огромными, ост-

рыми как бритва зубами, в глубине которой клокотало что-то багровое. На моё счастье, длилось это недолго, и, когда я очухался, всё стало как прежде, и бабайка снова была похожа на медвежонка-интеллигента.

– Теперь вы понимаете? – спросила бабайка.

– Да, – сказал я. Сердце моё билось гулко и часто, и по спине стекала струйка холодного пота. Пикнул и отключился компьютер.

Сам.

Стало тихо.

Стоп, подумал я, это всё хорошо и даже прекрасно, но как она сюда попала?

– А как вы сюда попали? – сказал я, и при этом отметил отвлечённо, что сейчас моё «вы» прозвучало намного более уместно, нежели минуту назад.

Бабайка посмотрела на меня с интересом, и сказала:

– Через дверь. Вы же сами открыли на стук.

Было видно, что бабайка сильно хочет что-то спросить, и она не удержалась:

– Вы же водку не пьёте?

– Нет... То есть пью, но редко и мало.

Обалдеть, меня подозревают в пьянстве. И кто?

– Ну правильно, – серьёзно сказала бабайка, и без всякой связи добавила. – Никита у вас славный мальчик.

– Погодите, – сказал я. – Вы ж не ответили на мой вопрос.

– Ответил, – сказала бабайка.

– Так это же был стол!

– Ну и что. Топологически я был не в квартире.

Я не стал выяснять, откуда она знает топологию. Были вопросы посерьёзнее.

– Хорошо... допустим, – сказал я.

– Чего тут допускать? – удивился бабайка. – Допустим, солнце встаёт на востоке. Допустим, небо синее.

Похоже, она меня поддразнивала.

– Вам самому-то не смешно?

– Хэ-хэ-хэ, – неуверенно хихикнул я. – Честно говоря, не очень.

И тут я услышал, как сын мой кричит: «Папа! Папочка!». В самом деле, подумал я, давно что-то Никита ко мне не за-скакивал, минут десять аж прошло... и тут я спохватился.

– Прячьтесь!

– С какой стати? – удивилась бабайка.

– Никита бежит. Я бы не хотел...

– Прекрасно, – сказала бабайка, и тут в комнату влетел Никитка.

– Здравствуй, Никита, – вежливо сказала бабайка.

Никита застыл, как вкопанный, и молча смотрел на мед-вежонка-интеллигента. Хотел бы я знать, что в этот момент творилось в голове четырёхлетнего человечка.

– Никита, ты почему не здороваешься? – сказал я строго, и мне тут же стало не по себе. Дико неуместным выглядело это педагогическое клише здесь и сейчас.

Бабайка внимательно смотрела на Никиту и ждала. Неведомо отчего напрягся и я. В тот самый момент, когда я с облегчением

(с облегчением?! господи, почему с облегчением?!)

хотел сказать, что, мол, невежливо, Никита, так делать, ну да ладно, сын мой сказал:

– Здравствуй.

И тут мне показалось, что бабайка выдохнула, так, словно у него отлегло от сердца.

– Вот и славно, – сказал бабайка. – Ох, совсем забыл, у меня же там...

И полез обратно в стол, и заворочался там, что-то перебирая, переставляя с места на место. «Да где ж он там», – слышался его полузадушенный шёпот. Вылетел и шлёпнулся на пол мой очечник. Следом – маленький ботинок.

– Папа, это кто?

Я посмотрел на сына. Из-за дверцы стола выглянула лохматая голова в очках и уставилась на меня. Я покосился на бабайку.

– Это бабайка, – сказал я наконец. Бабайка одобритительно кивнула и легко сбросила на пол увесистый мешочек.

– Угощайся, Никита, – сказал бабайка.

Я поднял мешочек и развязал его. Мешочек был под завязку набит отборным кедровым орехом.

III

– Знаешь, – сказала мне Ольга после ужина, – наш сын такой выдумщик. Сегодня, пока ехали домой, он мне рассказывал, как он играет с бабайкой.

– Да? – сказал я.

Я ведь думал об этом. Наверное, не стоит жене знать про бабайку. Хватит и того, что я просыпаюсь несколько раз за ночь. Слишком хорошо запомнилась мне багровая клыкастая пасть, и то, что он безо всякого труда может проникнуть куда захочет. Что бы он мне про топологию ни заправлял, а стол всё-таки ВНУТРИ квартиры. Так что мой дом – никакая не крепость.

– Так складно рассказывает, – продолжала меж тем Ольга, вытирая стол. – Его послушать, так бабайка похож на мишку.

– На мишку, – сказал я и поставил очередную тарелку в сушилку. – Надо же.

С тех пор как бабайка появился в моём столе, прошло два дня. За эти два дня я узнал про бабайку очень много. Так, например, бабайка сообщила мне, что на самом деле она существо мужского рода. Она так и сказала – мужского рода. Так что, наверное, теперь мне придется называть его «он». Еще в разговоре за чашкой чая он сообщил мне, что просто так взять и явиться бабайка не может. В нашем случае, например, совпало сразу несколько факторов. Во-первых, Ники-

та позвал бабайку, во-вторых, я не возражал, в-третьих, мы бабайке понравились. Такое случается очень редко. Обычно дети бабаек боятся, да и взрослые относятся к ним скептически. Попросту говоря, не верят.

То, что я тоже в бабаек не верил, оказалось фактором несущественным. Достаточно, оказывается, в её присутствии формально признать, что бабайка существует, и всё... И она уже стучится в дверцу моего стола. Такое моё везенье.

Впрочем, вполне возможно, что он опять меня троллил. И что явился он ко мне совсем по другой причине.

– В очках, – сказала жена. – Представляешь, на мишку в очках.

Боюсь, моя ответная улыбка вышла несколько натянутой.

IV

Конец сентября каждый раз задает горожанам простенькую задачку. Как одеться, если утром температура воздуха около пяти градусов тепла, а в обед может быть до плюс двадцати?

В ваших краях не так? Тогда я рад за вас.

А мы вот с Никиткой стояли с утраца на остановке, одетые довольно тепло, и при этом я доподлинно знал, что в обед мне будет в этой одежде жарко.

Подошла наша маршрутка; мы сели и поехали.

Так... сумку поудобнее пристроить, оплату приготовить... Надо поговорить с сыном, подумал я.

– Никит, мы с тобой ловкие парни?

– Ловкие парни, – согласился сын.

– Значит, у нас должна быть тайна, – сказал я.

– Да, – сказал Никита.

– Давай это будет бабайка.

Сидевшая напротив девушка с любопытством посмотрела на нас.

– Бабайка?

– Да, сына, бабайка. Давай не будем маме говорить про бабайку.

– Не будем, – согласился Никита.

– Это будет наша тайна.

Гарантия от договоренности с четырёхлетним человеком само собой не крепка. Но ведь что-то делать надо?

V

Шли дни, ничего такого не происходило, и напряжение потихоньку отпускало меня. Пока однажды я не увидел, как мой сын играет на моем столе дохлой мышью.

– Никита, где ты это взял?

– Это бабайка мне дал.

– Дай мне, пожалуйста.

– Не-ет, это моя, – когда сын говорит с такой интонацией, лучше поискать других путей.

Я постучал в дверцу. Никакой реакции.

Я постучал сильнее. Подождал немного, и постучал еще сильнее. На мгновение я увидел эту картину со стороны – взрослый мужчина стучится в дверцу собственного стола, а рядом его сын на этом же самом столе играет дохлой мышью. Взмотнул головой, прогоняя возникшее ощущение бреда, и дверца открылась.

– А вам не приходило в голову, что бабайкам тоже надо спать?

– Ты зачем подсунул моему сыну мышь?

– Давно пора, молодец, – сказал бабайка.

Я сбился.

– Что пора?

– Пора перейти на «ты».

На мгновение мне показалось, что я оглох. Но злость тут

же подстегнула меня.

– Зачем ты подсунул моему сыну эту мышь подвальную? Да ещё дохлую?

– Люди, особенно взрослые, невнимательны и ненаблюдательны, – сказал бабайка обстоятельно. – Не можете отличить городскую мышь от симпатичной селяночки-полёвки...

– Да какая разница?

– Очень большая, – перебил меня бабайка. – Городская, порой насквозь протравленная мышь, само тело которой подчас – яд. И славная чистенькая полевка. Это, можно сказать, разные звери с разными нравами. Я бы никогда не подсунул Никите городскую мышь.

Я посмотрел на своего мальчика. Никита без страха и очень внимательно следил за нашим разговором.

– Никита, выйди, пожалуйста.

Никита посмотрел на меня исподлобья, но к двери пошел.

– Оставь мышь на столе.

Никита вернулся, положил мышь на стол и вышел. Я набрал воздуха и начал. Страху не было совсем. Не то чтобы я забыл ту пасть, но теперь это было уже как-то не важно.

– Ты зачем дал моему сыну дохлую мышь.

– Нет.

– Ты думаешь, я – идиот?

– Когда я принес мышь, она была живая.

Я заткнулся. А бабайка продолжал.

– Мы вместе с Никитой убили эту мышь.

– Зачем?!

– Ребенку надо знать, что такое смерть, – бабайка выглядел очень серьёзным.

– Зачем?!

– Потому что люди такие. Время такое. Пусть знает.

VI

А потом нас ограбили.

Милиция забирала их – троих здоровых молодых недоумков, взломавших дверь и забравшихся к нам в квартиру, – в соплях, слезах, с мокрыми штанами. Я не знаю, что с ними сделал бабайка – я только-только вернулся с семьёй из-за города.

– А Валеев-то похоже глаза себе выдрать пытался, – весело сказал молодой чернявый парень своему напарнику. Сказал так, словно это обычное дело – люди, пытающиеся выдрать себе глаза. Впрочем, может, наши опера и не такое видали.

Я же испугался по-настоящему.

Что ж такое должно привидеться человеку, чтобы он попытался выдрать себе глаза?

VII

– Садитесь. – Заведующая детского сада «Чипполино» Валентина Хубраковна смотрела на меня с плохо скрываемым любопытством. Два года ходит мой Никита в «Чипполино», но такой чести – разговора с заведующей – я удостоился во второй раз в жизни. В первый раз, когда уплачивал так называемый вступительный взнос. Интересно – на что они тратят деньги? Кабинетик-то обшарпанный. Неужели на питание детей?

– Мне хотелось бы поговорить с вами о поведении вашего сына.

– А что случилось? – спрашивая так, я лукавил. Знал я уже, знал о чем пойдет речь. И сосало противно где-то внизу живота, как бывало всегда, когда мне надо было делать что-то, чего делать ну никак не хотелось.

– У детей, конечно, богатая фантазия, – сказала Валентина Хубраковна. – Но ваш Никита – это что-то особенное.

– Спасибо, – сказал я.

– Погодите со своими спасибоми, – отмахнулась заведующая. – Это вовсе не комплимент.

– А-а... не комплимент, – сказал я. – А-а-а... что тогда? Умный такой вопрос, не правда ли?

– Он пугает ребятшек в группе.

Заведующая сделала паузу. Я молчал, и ей пришлось про-

должить.

– Он пугает ребятишек бабайкой. Это, конечно, не бог весть что, но Никита ваш говорит, что видел бабайку, и что бабайка велела ребятишкам Никиту не обижать. И воспитательница говорит, что (холодок пробежал у меня промеж лопаток), некоторые ребятишки наши Никиту вашего стали побаиваться.

Валентина Хубраковна взяла паузу. Я по-прежнему тупо молчал.

– Поговорите с сыном, – мягко сказала заведующая. – Скажите ему, что не надо пугать ребятишек.

– Хорошо, – сказал я. – Я обязательно поговорю с ним.

– И последнее. Убедительная просьба – не разрешайте своему ребенку брать в садик игрушки. Они ссорятся из-за них, чуть ли не дерутся. Один принесет красивую игрушку, а остальным тоже хочется. Крик, слёзы.

– Мы не разрешаем, – сказал я.

– Да что вы говорите, – пропела заведующая. – Ваш сын каждый день приносит в группу плюшевого медвежонка.

Язва.

VIII

Когда я вернулся домой, я был спокоен. Подогрел оставшийся с обеда борщ, поел. Помыл тарелку. Попил зеленого чая с молоком. Поставил чашку в мойку. В голове было пусто. Не о чем было думать, все уже было думано-передумано по дороге домой и решено твердо. Дело было за малым.

Оставалось поговорить с бабайкой.

IX

Две чашки чая. Одна из них кофейная. Печенье «Юбилейное» – бабайке нравится «Юбилейное». Ольга купает сына. Это ненадолго, минут на пятнадцать, но мне хватит.

Бабайка деликатно прихлебывает чай, скальпелем отрезает себе кусочки печенья, кладет их в рот, жуёт и молчит. Говорить должен я, ведь это я, в конце концов, сказал, что нам надо поговорить.

– Ты ходишь в детский сад. – Я, наконец, решился.

– Да, хожу, – сказал бабайка.

– Тебе не стоит этого делать.

– Ха!

– Ты пугаешь ребятишек.

– Я охраняю вашу семью.

– Ты охраняешь Никиту.

– Он в вашей семье – главный. Ему и внимания больше.

Но по сути – я охраняю вашу семью.

– Не надо нас охранять.

Пауза. И ворчливо так:

– Ладно, не буду. Посмотрим, что из этого получится.

Я удивился. Не думал, что мне всё будет так легко. Впрочем, плевать. Главное, я добился своего.

И мы стали дальше пить чай.

X

Не знаю, что это было – совпадение, или, выражаясь трагедийно, роковая случайность. Все мы иногда поздно возвращаемся домой.

Бывает.

– Эй, мужик! закурить не найдется?

Терпеть не могу, когда так обращаются ко мне. Если ты куришь, почему у тебя нет своих сигарет? Или своих спичек? А уж если так обращается к тебе сопляк малолетний...

– Какой я тебе мужик, юноша.

– А чё так дерзко отвечаем?

Я знаю, что скажет жена. Она скажет, зачем ты связываешься со шпаной, тебе что, жить надоело. Да только себя уважать хоть немножко да надо. Тем более если их всего двое.

– Шёл бы ты по известному адресу...

И тут выяснилось, что я ошибся. Не двое их было – трое. Когда сзади бьют по тыквочке палкой или что там у него было – это не больно. Просто бац! – и чувствуешь, как что-то тёплое начинает стекать вниз по голове. Вот тут-то я разлился по-настоящему. Да только шпана эта обгашенная против обыкновения не стала меня добивать, а побежала. А я за ними не погнался.

Нехорошо мне стало.

XI

Ольга с Никиткой были в гостях. Неподалеку, на соседней улице. Ну и слава богу, нечего пугать родных. Я сам промыл себе голову под струёй воды из-под крана. Сам обработал рану слабым раствором фурацилина. Затолкал одежду в стиралку, набрал программу. Бабайка неодобрительно следил за моими действиями. Ходил за мною следом – в ванную, из ванной на кухню, с кухни – в мой кабинет, и смотрел, смотрел с укоризной. Наконец не выдержал:

– Значит, говоришь, не надо вас охранять.

Я молчал. Крыть было нечем. К тому же тампон с мазью приложенный мною на рану сваливался с головы, и вообще чувствовал я себя прескверно.

– Погоди-ка... – бабайка залез на диван, с дивана перебрался на стол. – Наклонись.

Я наклонился. Бабайка взял в руку (или лапу?) тампон и пришлёпнул его на рану.

– Всё.

– Что всё?

– Будет держаться.

Я потрогал тампон указательным пальцем. Тампон был обычный – мягкий, сооруженный из сложенного несколько раз бинта. Вот только почему-то был он словно присохший к ране. К свежей ране.

– А-а-а... А как я его сниму?

– Что такое? – бабайка озабоченно показал лапой, дескать, наклонись, взял с раны тампон, посмотрел на него. Я же напряженно таращил глаза исподлобья, пытаюсь разглядеть собственную макушку.

– Всё нормально, – сказал бабайка и снова приклепнул тампон на рану.

Чёрт знает что такое. Не падает. Держится и не падает.

XII

Прошла неделя. Ольгой я был беспощадно за свое легкомыслие отруган. Никитка немного за меня испугался, и потом каждый день тыкал в подсыхающую рану пальчиком – проверял. Кстати, мой вам совет: не повторяйте моей ошибки. Если получите рассечение кожно-волосяного покрова – сразу идите к травмпункт. Там вам рану зашьют, и она уже через пару дней будет выглядеть вполне прилично. Я же этого не сделал, и зажиwała она у меня подольше и выглядела похуже.

XIII

Была пятница. Не самый плохой день недели. Некоторые даже считают его лучшим – трудовая неделя позади, впереди выходные.

Хорошо!

Я принял ванну и, наконец, помыл голову, с разрешения хирурга, который закрыл мне больничный на неделю.

М-м, ага, а мы гуляем, мы крутые, ага

А мы хорошие, не злые, ага,

Пада-бада-ба-будет вечер,

Будут выходные.

Напевая так, двигался я в махровом халате, по направлению к своему кабинету, вытирал голову полотенцем и чувствовал себя прекрасно.

– ... я не боюсь.

– И правильно. Давай, лезь. Там тебе будет хорошо.

– купишь мне мороженое?

– Конечно, куплю.

Вот такой диалог между Никитой и бабайкой слушал я, стоя перед дверью своего кабинета, и холод снова бежал по позвоночнику, и бухало сердце, отдавая в виски. И тут голова начала стихать, словно удаляясь, и тихо стукнула дверца стола. Я сильно толкнул дверь и вбежал в свою комнату.

В ней некого не было.

Продолжая обманывать себя, я дёрнулся в детскую – никого. Заглянул в туалет – пусто. Прижавшись спиной к стене, какое-то время я бездумно слушал, как на кухне напекает Ольга, готовя ужин. Нет, это даже помыслить было нельзя – вовлечь её в этот бред.

И я вернулся в свой кабинет. Открыл дверцу стола. Тупо посмотрел на свои бумаги, в беспорядке сваленные внутри. Взял верхний лист и, классически нервно обламывая грифель карандаша, написал: «ОЛЯ НЕ ВОЛНУЙСЯ МЫ СКОРО БУДЕМ». Положил записку на крышку стола, выкинул из стола на пол всю эту безобразную бумажную кипу и полез внутрь. Трудно было первые полметра. Против здравого смысла я не ткнулся головой в заднюю стенку стола, а продолжал движение, и стенка словно удалялась от меня. Представив невольно, как дрыгаются мои торчащие из стола голые ноги, я нервно хихикнул, но не остановился, а, извиваясь как червь, продолжил движение вперед. Тихо пристукнула дверца стола позади, и стало темно. Вскоре я обнаружил, что стало достаточно широко для того, чтобы я мог помогать себе руками. До этого-то они были у меня по швам, как у стойкого оловянного солдатика. Чувствовал я себя как заживо погребенный в длинном-предлинном гробу. Сколько я так полз? Думаю, не больше пары минут. Но зуб за это давать не стану. Не знаю. Слишком всё происходящее было ирреально.

И вдруг всё кончилось. Я упал примерно с полутораметровой высоты. Вот только что я полз по гробу и вдруг вывалился куда-то наружу.

А снаружи всё было не так.

Я словно на Марс попал.

Мир, окрашенный в различные оттенки красного.

Красный песок. Багровые барханы. Светло-красное небо. Ярко-красное солнце. Булыжники самых разных оттенков красного, прихотливо раскиданные по песку.

И ни малейших признаков моего стола.

Только двойная цепочка следов, ведущая за холмы.

И я в белом махровом чуть влажном халате.

2. Красная черепаха

I

– Роскошно выглядишь!

Чей-то голос из-за спины в незнакомом и даже, скажем прямо, мрачном месте – это хороший повод блеснуть реакцией, и я его не упустил. Резко развернулся, ткнул при этом большим пальцем левой ноги какой-то булыжник цвета бордо, от боли втянул сквозь зубы воздух и уставился на того, кто сделал мне этот комплимент. Было ясно, что субъект этот не опасен. Конечно, внешность бывает обманчива, но ожидать угрозы от черепахи, пусть она даже и красная и довольно крупная, но все равно это ведь черепаха!

Которая сделала мне комплимент.

И тут я не выдержал.

Не утешайте меня, нет мне оправдания. Да, я шёл по следу, по этим пескам уже часов шесть и сильно хотел пить, и ничего, кроме халата и плавок, на мне не было, и припекало порядочно, но всё равно...

Ковбой не теряет сознания при виде черепахи.

II

– Роскошно падаешь!

Я открыл глаза. Лежать на теплом песке было даже приятно. Во рту было влажно, и чувствовался привкус вишневого сока. Черепаха печальными глазами смотрела на меня, рядом с ней на плоском багровом камне стояла красная полулитровая кружка.

Вокруг всё те же пески, барханы, булыжники.

– Выпей ещё, – дружелюбно предложила черепаха.

Это было дельное предложение, и я его принял. Сел, взял кружку и сделал глоток.

– Почему вишнёвый?

– Потому что красный.

Вот так.

Задаёшь идиотский вопрос, получаешь идиотский ответ.

– Откуда ты взялся?

Теперь, видимо, её очередь задавать вопросы. Интересно, а как она поила меня из кружки?

– Ниоткуда. Я здешний.

Против желания интонация вышла ворчливая, почти сердитая. Дескать, незачем разным черепахообразным субъектам знать, кто я и откуда.

– Ты нездешний, – черепаха говорила почти равнодушно, сообщая мне факт, сомнению не подлежащий.

– С чего ты взяла? – в моей семье не только Никита бывает упрям.

– На тебе белый халат.

– А что, здесь не носят халаты?

– Носят.

– Так в чём же дело?

– Здешние обитатели понятия не имеют о том, как выглядит белый цвет. Зато они прекрасно разбираются во всех оттенках красного.

Я огляделся ещё раз. Красное солнце, красный мир.

Стоп. Как такое возможно? Если солнце красное, то почему халат на мне белый?

III

Ладно, подумал я, пусть это красный мир. Черепаха так сказала. Еще она сказала мне, что это мир, с которого все начинается. И ещё я понял, что она здесь фигура масштаба значительного. Правда, она не объяснила мне, почему мой халат даже в красном свете остаётся белым. Но что мне до этого? Это знание (и незнание) нисколько не приближает меня к сыну.

– Спасибо, это всё интересно... Я, пожалуй, пойду, – сказал я.

– Я с тобой.

Здрасьте.

– Не стоит, – сказал я. – У тебя, наверное, срочные дела.

– Знаешь, – сказала черепаха медленно, – черепахи живут долго, а я живу довольно долго даже для черепахи.

– Долго, это сколько? – спросил я, не понимая, куда она клонит.

– У вас, у людей есть подходящее слово – «вечность». Так вот, когда ты живешь целую вечность, то у тебя не бывает срочных дел. Ну или почти не бывает. И потом... я знаю, куда идти.

Ага... а я с ней на ты...

– Куда идти – я и сам знаю... – буркнул я.

– Правда? – сказала черепаха. – Как хорошо, – и отверну-

лась.

Впрочем, отвернулась – это неточно. Но у меня нет подходящего слова для того, чтобы описать, что она сделала. Черепаха всунула голову внутрь своего панциря, и спустя миг высунула её с противоположной стороны.

Я молчал. Отчасти от некоего ступора, а отчасти оттого, что сказать было нечего. Что тут скажешь?

Так мы стояли секунд пять. Я глазел на черепаху, черепаха смотрела скучающе куда-то вдаль, и по-прежнему уходила в барханы двойная цепочка следов.

И тут я почувствовал, как прохладный воздух коснулся моей щеки. Через секунду ветер стал теплым, и волосы на моей голове зашевелились. Затрепались полы моего халата. Ударили в лицо первые колючие песчинки.

– Какая досада... – сочувствующе сказала черепаха. Следы, заметаемые крепнущим ветром, теряли свои очертания прямо на глазах. И тут ветер ударил по-настоящему. Я лег на песок, свернулся в клубок и прикрыл голову руками. Интересно, сколько таких, как я, подумалось мне.

Занесенных песком в неизвестно каких вселенных.

...

– Ладно, вставай.

Я встал и медленно обвел взглядом окрестности, пытаюсь уложить в голове произошедшие изменения.

Вокруг по-прежнему было все красное. Но барханы исчезли. Равнина была ровная как стол.

Я отряхнул песок с халата, помотал головой, прочистил мизинцем уши.

И пошёл.

Бешенство стучало в моих висках красной волной. Да будь она хоть сам господь бог здешних мест, так издеваться надо мной я не позволю.

– Куда ты? Я могу проводить тебя, уж я-то знаю дорогу.

Я молчал с минуту. Ненавижу такое. Компромисс – даже на слух звучит гадко. А уж когда приходится на него идти...

А тут вообще никакого выбора нет. Там ведь Никита.

И не надо думать об Ольге. От этих мыслей ты слабеешь.

– Ладно. Куда идти?

Черепаша показала лапой вперед, мол, туда. Я вздохнул и пошёл, косясь на зловредную рептилию. Она, конечно, большая, но как-то слабо верится, что она способна ползти хотя бы со скоростью человеческого шага.

Так и есть. Через десять шагов она отставала на семь. Словно издеваясь, она неторопливо перебирала лапами – раз, два, три четыре. Суповой набор ходячий. Я перестал на неё смотреть, не мог я на такое смотреть, стиснул зубы и в полный шаг двинулся в указанном направлении. Через минуту, когда злость перестала застилать глаза, я остановился, чтобы дожидаться свою тихоходную попутчицу. Обернулся и увидел черепаху, всё также неторопливо перебирающую лапами в семи шагах от меня.

– Чего встал? – сказала черепаха, подползая ко мне. – Это

мне спешить некуда, а ты-то должен поторапливаться.

Вот так вот, значит.

– И на твоём месте, я бы надела плавки на голову.

– ?!

– А то голову напечёт.

IV

Солнце, песок, черепаха. Песок, черепаха, солнце. Черепаха, солнце, песок.

Час.

Два.

Полдня.

Иногда вишневый сок.

И снова

Солнце, песок, черепаха. Песок, черепаха, солнце. Черепаха, солнце, песок.

Правда, можно поговорить.

V

– ...да этого никто и не заметит. Подумаешь, кусок пустыни поменял рельеф. Караваны здесь не ходят. Никто не коちует.

– А здесь вообще кто-нибудь живёт?

– Это пустыня. Кому она нужна?

– Нет, пустыня – это понятно. А не в пустыне?

– Прости, я тебя не поняла. Здесь, конечно же, есть не только пустыни. Есть места и поблагодатнее. Там есть люди. Но что тебе с того? Мы-то к ним не пойдём.

– Почему?

– То, что тебе нужно, находится не в людном месте.

– Но ведь...

– Отдохнул? Идём дальше.

И мы пошли дальше, и светло-красные тушканчики тянули свои головы вслед за нами, любопытствуя на столь странную пару, и солнце, словно прибитое к небосклону, всё также светило красным светом.

Мир вечного дня.

VI

Постепенно пейзаж изменился. Вместо плоской песчаной равнины – большие песчаные дюны. И мы шли, то ныряя в ложбины, то медленно поднимаясь вверх по склону.

Странное дело – голода я не чувствовал

А вот пить хотелось. Выручала кружка с вишневым соком.

Сколько времени мы шли, я сказать не могу. Но два раза я поспал.

И всё время вертелось в голове: «Во первых строках своего письма спешу сообщить, разлюбезная Ольга Владимировна, что...».

VII

– Пришли, – сказала черепаха.

Я стоял и молча смотрел. Хотя с другой стороны – чего я ожидал?

– Ладно, чего стоять зазря, – сказала черепаха, и заскользила вниз по склону дюны, перебирая лапами. Я постоял еще немного и двинулся следом.

Догнал свою попутчицу я только в самом конце склона. Если быть точным, то я у самой подошвы дюны оскользнулся и упал. Упал так, что черепашья морда оказалась напротив моего лица.

– Скажи, пожалуйста, – сказал я, глядя прямо в темно-красные, круглые, блестящие глаза. – Ты знала?

– Знала что? – спросила черепаха.

– Что это будет стол.

– Стол? Стол. Точно, стол, – она словно пробовала это слово на вкус.

Ладно, не важно. Если я попал в этот мир через стол, то логично, если я его покину также через стол.

Через обычный канцелярский стол красного дерева, здорово похожий на мой. К которому шла возникающая из ниоткуда цепочка следов, набирающая чёткость очертаний по мере приближения к этому самому столу

– Ну, я пошел, – сказал я.

– Давай, – скучающе сказала черепаха.

Я посмотрел на неё.

Никого, кроме неё, я не видел в этом мире. Тушканчики не в счёт. И, похоже, успел к ней привыкнуть.

Да чёрт с ней! Мне, право слово, есть чем заняться!

Я открыл дверцу стола, решительно полез в стол и почти тотчас услышал голоса.

– Хватай её! Переворачивай! А-а, тва-арь! Осторожно, сейчас вывернется! Крюк давай, крюк! – орали голоса, и действовали при этом, судя по всему, весьма энергично.

Это не мой мир и не моё дело, сказал я себе, работая локтями, вперёд, в стол, кроме тебя никто сыну не поможет, где-то там в столе плачет твой сын, потому что рядом нет никого, кроме злой бабайки, вот ведь хрень какая, почему ты такой неубедительный?

Никита,

ты же можешь быть таким убедительным, так почему же сейчас, когда ты всё так правильно понимаешь и некому тебя упрекнуть, вот ведь хрень, ну как же так, никто не узнает, думал я, прижавшись щекой к полированному дереву,

сын,

это ерунда, закидоны и гниль интеллигентская, и кто она тебе? Как она издевалась над тобой,

Никита,

никогда себе не прощу, тут ведь даже думать не надо, что выбрать, так вот я думал, и правильно думал, а сам уже лез,

словно какой-нибудь басенный рак, задом вперёд – и проклинал себя и родителей своих отчасти за то, что воспитали вот такого вот придурка.

Черепаша лежала брюхом вверх метрах в десяти от стола. Голова и все её конечности были втянуты в панцирь, а два краснокожих человека суетились вокруг неё и тыкали копьями в отверстия в панцире. Были они будто вылепленные из пластилина – одноцветные, в туниках, на ногах у них были сандалии, и, наверное, нелишне будет отметить, что помимо копий они были вооружены короткими мечами. Черепаша неритмично раскачивалась, и краснокожим попасть в цель было не просто.

Я схватил небольшой булыжник (оружие пролетариата, вспомнилось совершенно не к месту) и запустил его в ближайшего краснокожего копыеносца.

Навыки старого вэпээмщика*** не подвели – я попал чуть повыше затылка. (***)ВПМ – военно-прикладное многоборье). Медно-красные ноги подогнулись, незадачливый черепахоненавистник выронил копьё, упал – сначала на колени, потом обхватил голову руками и уткнулся в песок. Какой-то уголок моего сознания фиксировал, как течёт тёмно-красная кровь меж медно-красных пальцев на красный песок, а сам я уже нёсся судорожными прыжками к лежащему на песке копыю. Второй копыеносец повернул голову в мою сторону – всё, что он успел сделать, и я увидел, как расширились его глаза, как плеснулось в его глазах смятение и, бездумно на-

плевав на валяющуюся копьё, с полного бега, как заправский регбист, я врехался в его корпус. Мы упали, я тут же вскочил и бросился назад. Схватил древко двумя руками и развернулся, выставив широкое лезвие вперед. Краснокожий воин тоже успел вскочить и теперь стоял, напряженившись, и смотрел на мой халат.

Пат, подумал я.

Он не нападёт первым, потому что не понимает, с кем имеет дело. Мне же нападать первым попросту глупо. В эти первые три секунды мне везло, но если дело дойдет до схватки, он быстро поймет, что на копьях я полный ноль.

Так мы стояли, выставив копьё наизготовку, и между нами лежал, обхватив голову, человек. И тогда мой враг (враг? как легко мы делим людей – наши, не наши) взял копьё в левую руку и опустил его почти до самой земли, но не положил его на песок, а так, словно припав к земле, медленными шагами двинулся к раненому товарищу. Я так же медленно сделал несколько шагов назад.

Не отводя взгляда, он помог своему товарищу встать. Закинул его руку себе за голову.

– Неаккуратно, – сказал он. – Очень неаккуратно.

И они пошли прочь.

Черепаша крутанулась волчком, завращалась на ребре – это походило на какой-то кошмарный нижний брейк – и плюхнулась на живот. Тут же высунула голову – не с той стороны, с которой я ждал, посмотрела на меня и проворчала:

– А время идёт, между прочим. И по-прежнему опаздываешь ты, а не я.

Я посмотрел на уходящих краснокожих. Они находились уже на середине склона.

– Они не вернуться, – сказала черепаха.

И я полез в стол.

На этот раз гроб оказался намного короче. Уже через минуту впереди забрезжило круглое отверстие, через которое я вывалился в новый мир.

3. Оранжевый бег

I

По глазам ударило ослепительно оранжевым.

– Кто-то пришёл из чрева черепахи!

– Да отойдите вы! Расступитесь!

– Пусть он покажется!

Я вскочил на ноги.

Да, похоже, в этом мире мне будет с кем общаться.

Мир был оранжев, неистово ярок и довольно многолюден.

Оранжевое море, оранжевое небо, оранжевая мама, оранжевый верблюд. Без всякого удивления, машинально, я отметил, что халат на мне – по-прежнему белый.

Точнее, грязно-белый.

Несколько человек, надо полагать, они и орали, стояли, глядячи на меня. А все остальные куда-то бежали. В полный мах. Трусцой. Торопливым шагом. Каждый в свою сторону.

Поглядев за спину, я понял, почему туземцы называли меня пришедшим из чрева черепахи. Для них всё выглядело именно так – я действительно выпал из пасти каменной черепахи. Большой, тёмно-оранжевой, почти багровой черепахи.

– Эй, – сказал я. – Я хочу пить!

Наверное, это будет апельсиновый сок.

Ага, счас.

Я будто из пистолета стартового выстрелил. Все они сразу зашевелились и пошли по своим делам. Точнее, побежали.

Остался один туземец.

Всего один.

Но зато не самый плохой на вид. Ладный, подвижный, с точными движениями, рослый, на полголовы выше, чем я, он с бесцеремонным любопытством рассматривал меня.

Подошёл поближе.

– Это что? – туземец ухватился цепкими пальцами за ворот халата.

– Халат, – ответил я.

– Халат. М-м-м... халат.

– Одежда.

– Одежда. Конечно, одежда. Хорошо, идём.

– Куда?

– Ты мне не веришь?

– Да я тебя даже не знаю!

– Ну да. Ты же меня не знаешь! С чего тебе мне не доверять? Но ... как хочешь.

И он припустил куда-то.

М-да, подумалось мне. В этом есть своя логика, не правда ли?

И я припустил за ним.

– Куда мы так несёмся?

– Сначала зайдем ко мне, а там видно будет. – Мой новый знакомый передвигался очень быстро, почти бежал.

– Что видно? – в груди моей уже начало колоть: я с трудом выдерживал предложенный темп.

– Что будет. Никогда ведь не знаешь, что будет, – тело его выражало досаду, что вот так небыстро приходится двигаться, но сам он, похоже, этого не осознавал. – Пришли. Вот мой дом.

И он показал на... наверное, хижину. Это было правильно, потому что признать в этом сооружении дом с первого взгляда было сложно. Очень самобытное было сооружение. Бревна, камни, обрезки досок, какие-то непонятные предметы – ощущение было такое, что, сооружая этот объект, строители брали то, что попадалось под руку. Это потом я убедился, что к подобной архитектурной школе здесь относятся многие ...

В дверях он остановился и приглашающе махнул рукой:

– Заходи.

II

Господи, насколько всё в этом мире легче, подумал я. Сердце моё забилося чаще, и даже глаз завлажнел – и было от чего. У дальней стены хижины стояла оранжевая копия моего стола.

– Спасибо, – сказал я с чувством. – Спасибо, что привёл меня. Ты, получается, знаком с черепахой?

– С черепахой? – даже дома он всё время двигался: с грохотом выдвинул на середину сундук с плоской крышкой, подвинул к нему пару чурок, достал тарелки, ложки, вынул из болтавшихся у него на ремне ножен нож, воткнул его в крышку сундука, собрал посуду с крышки сундука, поставил всю её – не очень аккуратно – на пол, открыл сундук, достал оттуда различную снедь, закрыл сундук, ловко поддев крышку ногой, при этом сбил нож, кинул всю добытую снедь на сундук, поставил туда же тарелки, ложки, поднял с земляного пола нож и начал крупными кусками нарезать еду.

– Да ладно, неважно, – сказал я, с лёгкой оторопью наблюдая за всеми его перемещениями.

А вообще правильно всё, конечно. Само собой, сундук, не может же он кушать на таком столе.

– Ешь, – сказал он. – Потом отдохнем чуток и побежим.

– Спасибо, – сказал я. – Я... я пойду.

– Как хочешь, – сказал он.

Я подошел к столу, открыл дверцу, заглянул туда – пусто, и полез внутрь.

И сразу же стукнулся головой о заднюю стенку стола.

Не веря себе, я попробовал снова. С тем же результатом.

Вылез назад.

Оранжевокожий туземец с недонесённым до рта куском на кончике ножа смотрел на меня.

– Это что, – поинтересовался он наконец, – гуляешь в стол для аппетита?

И снова задвигал челюстями.

– Лучше поешь, потом вздремнём немного, – сказал он, отрезая себе кусок. – Тебе тяжковато здесь придется, пока не привыкнешь, так что отдохнем сперва. Я знаю, о чём говорю, я сам нездешний.

Никогда не упускай возможности выспаться и подзаправиться, говаривал прапорщик Лягай. Это я к тому, что вдруг впервые за долгое время мне захотелось есть. К тому же уставшим я был, как чёрт знает кто.

И я присоединился к хозяину.

III

– Вставай, нам пора!

Что такое? Чёрт, опять это... Я, протирая глаза кулаком, сел на кровати. Впрочем, это не кровать была вовсе, а сундук. Я спал на сундуке, том самом, на котором мы ели.

Туземец стоял голый по пояс, пританцовывая от нетерпения, и смотрел на меня требовательно.

– Сколько можно спать, побежали!

С обнаженным торсом он выглядел ещё внушительней, с такой античной мускулатурой и безобразным шрамом справа – там, где кончаются рёбра. Выглядел шрам так, словно в этом месте была когда-то нешуточная рана, и в этой ране банда неумелых хирургов ковырялась всяк на свой лад.

– погоди, – сказал я. – Я не хочу бежать куда попало. У меня дело есть.

– Дело? – тут же откликнулся он. – Рассказывай.

– У меня сын пропал.

– И ты из-за этого переживаешь? – он глядел на меня с любопытством.

– Да, – сказал я. – Я из-за этого переживаю.

– Интересно, интересно, – он даже пританцовывать перестал. – Расскажи.

– Его увёл бабайка. Ну, такое создание..., – начал объяснять я, увидев недоумение на лице собеседника. – Похоже

на плюшевого медвежонка.

– Плюшевого?

– Ёкалэмэнэ... Это... – я пощелкал пальцами, – такая искусственная ткань...

– Искусственная?

– Стоп, погоди, – я почувствовал, что надо бы взять паузу. И потом, подумалось вдруг мне, плюш-то не обязательно искусственный. Но вслух я об этом говорить не стал. Так я и сам запутаюсь, и его запутаю.

– В общем, так. У меня пропал сын. Я хочу его вернуть. Для этого мне надо найти существо, похожее на игрушечного... на маленького медвежонка в очках. Оно умеет говорить, и с ним должен быть мой сын.

– Очень может быть... может то, что надо, – пробормотал он. Видимо удивление явственно проступило на моём лице, потому что он неожиданно пустился в объяснения.

– Понимаешь... это сложновато объяснить в двух словах. Я... я думаю, что был за что-то наказан. И меня забросили сюда. Без памяти, – тут он неожиданно улыбнулся. – Ничего не помню... только знаю, что должен делать какие-то поступки. Не знаю какие, – он растерянно развёл руками и улыбнулся.

И я увидел, что у него голубые глаза.

Но он тут же моргнул, и глаза стали тёмно-оранжевыми.

– Ладно, пошли, – сказал он.

– Куда?!

Наверное, показалось.

– Попробую тебе помочь. Спросим у кое-кого, глядишь, и получим ответы.

А собственно, на что мне было рассчитывать?

Под лежачий камень вода не течёт, так ведь? Но сначала надо хотя бы...

– Извини, пожалуйста, всё как-то случая не было... Григорий, – и я протянул ему руку.

Он посмотрел на протянутую руку, хмыкнул и вышел из хижины.

По-моему, он меня не понял.

IV

Бардак какой-то. То есть более подходящего слова в моём лексиконе попросту нету.

Беспорядочно стоящие дома.

Беспорядочно разграфленная полями равнина.

Беспорядочно передвигающиеся люди.

И мы бежали от дома к дому, и задавали этим людям один и тот же вопрос: вы не видели маленького говорящего медвежонка?

Хотите знать, как это выглядело? Давайте тогда, к примеру, возьмём пекаря.

V

– Эй, пекарь! Ты мальчика не видел? С говорящей игрушкой?

Обалдеть, подумал я, вот простота, нас же засмеют.

– С какой игрушкой? – пекарь, похоже, нисколько не удивился, знай мял большой деревянной лопаткой тесто в кадушке. Хорошо мял, мускулы так и ходили. И сам всё время шевелил ногами, словно пританцовывая на месте.

– Медвежонок в очках, – сказал я.

– Он плохо видит?

– Кто? – удивился я.

– Медвежонок, – сказал пекарь.

– Это игрушка, – пояснил мой компаньон.

– А зачем тогда ей очки? – подумав, спросил пекарь.

– Может, он читает много? – спросил мой компаньон у меня.

– Почему читает? – находчиво ответил я вопросом на вопрос и вытер пот – у пекаря было жарко.

– Ну, – пожал плечами мой компаньон. – Он же разговаривает.

– Игрушка? – спросил пекарь.

Началось, подумал я.

– Ага, – сказал компаньон.

– Ну и что, – сказал пекарь. – Подумаешь, разговаривает.

– Но ведь он в очках, – упорствовал мой компаньон.

– Вообще-то не знаю, – сказал я. – Может и читает.

– Ха, – сказал пекарь. – Любознательная игрушка. У кобры тоже очки, так может она тоже читает?

– Да, кстати, – сказал мой компаньон. – А где у него очки?

На глазах?

– Да, – сказал я.

Д'Артаньян почувствовал, что тупеет, вспомнилось вдруг.

– А у мальчика? – спросил пекарь.

– Что у мальчика? – переспросил мой компаньон.

– У мальчика есть очки? – терпеливо спросил пекарь.

– У мальчика есть очки? – тут же обратился ко мне мой компаньон.

– Ему четыре года всего, – сказал я.

Эти двое переглянулись.

– Туповат, – сказал пекарь.

– Он нездешний, – сказал мой компаньон.

– Слушай, перестань, а? – сказал пекарь, и встал покрасивше. – Что за неприязнь такая к неместным? Они что, тупее всех? Надо быть терпимее. Только снисходительность к недостаткам других позволяет нам становится лучше...

– Ты не ответил на вопрос, – снова обратился ко мне мой компаньон, не обращая внимания на спич пекаря.

– Какой вопрос?

– У мальчика есть очки? – спросил мой компаньон. С ласковыми такими интонациями. Так говорят с тяжелобольны-

ми. Попейте бульончику, давайте пописаем, вы что, с ума сошли – никакого пива, вы узнаете этого человека? и так далее...

– Нет, – сказал я.

– Тогда не видел, – сказал пекарь. – Обратитесь к лекарю.

Он везде бывает.

– Спасибо, – сказал я. Повернулся к выходу и увидел, как шустро выбегает из хижины пекаря мой компаньон.

VI

Мы бегали по улицам битых два часа. Впрочем, как я уже упоминал, улиц, в нашем понимании этого слова, тут не было.

Хаотичное нагромождение домов. Я даже не понял, кончается где-нибудь это поселение или так и тянется за горизонт.

Лекаря видели везде. Везде он «только что был, да ушёл». И направления, куда он ушёл, нам показывали самые разные. Вследствие этого были места, мимо которых мы пробегали несколько раз.

Одно меня смущало – все, кого мы видели, производили впечатление людей на редкость здоровых. Зачем здесь нужен лекарь, было для меня загадкой полнейшей.

– Ладно, пока хватит, – неожиданно мой компаньон остановился. – Хочется есть и скоро ночь. Пошли домой.

Очень кстати, подумал я, поскольку усталость валила меня с ног.

И мы пошли домой.

Поправка: понеслись легкой рысцой.

VII

Хороший ужин – это хорошо. Хороший ужин и интересная беседа – это уже удовольствие.

А так себе ужин и интересная беседа – это как? Тут, наверное, всё зависит от того, насколько беседа интересна. А это, надо признать, была очень познавательная беседа.

Так вот, говоря попросту, это мир хаоса.

Государств нет. Они даже слова такого не знают.

Каждый сам за себя. Они настолько индивидуалисты, что у них даже имен нет. Ведь твоё имя нужно не тебе, а тому, кто с тобой общается.

И никому не приходит в голову, что можно с кем-то объединиться против кого-то. Так что есть и плюсы.

Они не воюют.

VIII

Я проснулся от холода. У меня зуб на зуб не попадал, и шкура какого-то оранжевого зверя меня не спасала. Кто бы мог подумать, что здесь ночью такой дубак, думал я, кутаясь в свой белый халат, в оранжевую шкуру.

Градусов десять, не больше.

К холоду ещё прибавьте ломоту во всех мышцах. Крепатура, всплыло в памяти одно из словечек моего отца.

В конце концов, я решил, что лучше претерпеть болящие мускулы, нежели принять смерть от холода и выбрался из хижины. Постоял, немного замороженный видом темно-оранжевого неба, усыпанного звёздами – пробило, даже несмотря на холод, и лишь затем приступил к делу.

Возле дома почти напротив входа в хижину стояло засохшее дерево, и я решил наломать с него сучьев. А чего? И бегать далеко не надо. Ухватился было за один из торчащих снизу сучьев и замер.

Слух и зрение сработали одновременно.

Я услышал тихий клекот и увидел темный силуэт большой птицы четко видный на фоне ночного неба. Как раз на том суку, за который я ухватился.

Орёл, подумал я. Незвестно, откуда взялась такая уверенность у городского жителя, видевшего орла только в мультиках да «Мире животных», но я был уверен, что это

орёл.

Птица внимательно смотрела на меня, теперь я видел это отчётливо. Что она делает здесь, на дереве? Разве они не вьют гнёзда где-то высоко в горах?

Я качнул сук, и птица вздыбилась, переступила на суку и клекотнула.

Но не улетела.

Чёрт с ней, подумал я, не отводя взгляда от мощного, хищно загнутого клюва, что мы, с орлом дров не поделим, пусть дерево будет ваше, зато всё остальное моё. И начал собирать дрова, благо разные сучья, ветки, обломки валялись тут в изобилии.

Орёл следил за всеми моими действиями, да так внимательно, что было немного не по себе. Будто пятнадцатисуточный под присмотром строгого старшины милиции. Воображение услужливо нарисовало мне этого старшину. Немолодой, усталый, похожий на Басова в «Операции «Б1».

Под этим надзором я накидал к порогу порядочную кучу, и даже согрелся при этом. Потом перетаскал эту кучу к очагу и... и тут возникла проблема, да такая, что про орла этого я сразу забыл. Собственно с этого надо было начать, но разве наличие в доме спичек, огнива, зажигалки, или на худой конец кремня и кресала, не является обязательным условием?

Теперь я знаю ответ на этот вопрос.

Нет, не является.

Я перерыл всё. Даже в сундук-кровать заглянул.

Пусто. Никаких признаков... гм... огнедобывающих средств. Да и в очаге, когда я его изучил повнимательнее, – насколько это возможно впотьмах, похоже, давненько огонь не разводили.

Ни золы, ни пепла.

От моей возни проснулся компаньон.

– Чего ты возишься? Потерял что?

Ладно, подумал я, чего уж теперь, всё равно разбудил человека.

– У тебя спички есть?

– Что?

– Ну чем огонь разжечь?

– А-а, вот ты о чём... Нету, – сказал он и отвернулся.

– А как ты разводишь огонь?

– Редко, – глухо сказал мой компаньон от стенки. – Не люблю огонь.

IX

Утро особой радости не принесло.

Ломота в костях, стальные мышцы. И главное – я по-прежнему далек от своей цели.

Мы невкусно позавтракали холодным мясом и сухарями, кои мой компаньон вынул всё из того же сундука, и запили все это холодной водой. Рекомендовал бы этот мир любителям старины – он научит их ценить комфорт, уют, хорошую кухню и прочие приятные пустяки, именуемые цивилизацией.

Солнце всё выше поднималось над горизонтом, быстро нагревая землю. И уже через час я снова был готов стойко переносить все тяготы и лишения, выпавшие на мою долю.

На оранжевом небе – ни облачка. Только темной точкой парит высоко над нами орёл.

– Это орёл? – спросил я.

Компаньон мельком посмотрел в небо, в направлении указанном мною.

– Ну что, пошли? – сказал он, игнорируя мой вопрос.

– Я ночью выходил во двор. И обнаружил на дереве орла. Разве орлы ночуют на деревьях?

– Давай договоримся так, – сказал мой компаньон. – Я человек простой и в общении необременительный. Но даже у меня есть свои недостатки. Например, я не люблю орлов.

Даже разговаривать о них не люблю. Пошли?

– Пошли.

И мы побежали искать лекаря.

X

Этот рисунок я увидел в пятом или четвертом по счёту доме. И лишь через час беспокойство, глодавшее меня, превратилось в понимание.

– Стой, – сказал я.

– Что такое? – остановился он. – Опять устал?

– Нам надо вернуться, – сказал я.

– Куда ещё вернуться? – мой компаньон был недоволен.

– К гончару.

– Брат, – сказал он, положив мне руку на плечо и заглянув мне прямо в глаза. – Если мы будем всё время возвращаться или сожалеть о том, что уже сделано, мы никогда...

– У гончара на стене рисунок.

– У пахаря тоже на стене рисунок.

– У какого пахаря?

– Не помню. Пахарей много.

– Ты не понимаешь. Там на рисунке... короче, мне надо его как следует рассмотреть.

– Ну что сказать, – сказал он. – Ценитель искусства, дитя муз. Сын у него в беде, а он будет картинки... Ладно, пошли, – быстро перекинулся мой компаньон, увидев, как изменилось моё лицо.

И мы побежали к дому гончара.

Надоело мне всё это уже порядком. Все перемещения бе-

гом. Абебу Бекила хренов.

Сдохну я здесь.

Хотя нет, не сдохну. Потому что нельзя.

Мимо дома ткача, через кустарники, мимо свалки.

Мне вспомнилось, как я участвовал в зимней отраслевой Спартакиаде, защищая честь родной конторы. Первый день бежал индивидуальную гонку, а на второй эстафету. Издевательство над людьми, конечно, все эти спартакиады и прочие весёлые старты. Весь год куришь бамбук, и вдруг в один прекрасный день, согласно списку, представленному профкомом, трясешься в автобусе с коллегами, посмеиваешься при этом, дескать, подышим свежим воздухом, вечером, в день заезда на базу, само собой – за приезд, за удачный старт, за спорт и физкультуру, а потом, на старте, неожиданно для тебя самого вдруг прорезается в тебе неведомо где спавший весь год спортсмен. И ты надсаживаешься на этой лыжне, стреляя лыжами-деревяшками, полученными на местной базе, и не хочешь уступать лыжню, а уступив, пытаешься зацепиться за этим молодым на пластике и в гоночном комбине-зоне, с подозрительно техничным ходом, это в каком-таком учреждении такие работают? – и отстаёшь на каждом шаге, и терпишь-терпишь, чтобы на финише королём пронестись последние пятьдесят метров. На следующее утро с лёгким ужасом думаешь о том, что вот опять бежать тот же трешник, только в эстафете, мама моя, да я же сдохну! а на деле всё оказывается гораздо легче, чем ты думал, потому что

вчера продышался как следует, и организм подтянулся чуток, пытаюсь соответствовать внезапно изменившимся условиям существования.

Так вот к чему я всё это. Я в этом мире второй день. И всё бегом. И всё никак не втянусь.

Господи! как ноги-то болят.

XI

– Есть, – сказал я тихо.

– Что такое? – спросил гончар. Мой компаньон никаких вопросов не задавал, но всем своим видом выражал заинтересованность.

Я аккуратно снял рисунок со стены, положил его на стол и разглядел ладонью. Где-то на заднем плане сознания мелькнула мысль: бумага офисная, плотность восемьдесят граммов на квадратный метр, откуда?

– Смотри, – сказал я, – змея и мальчик.

– Ты же вроде искал игрушку? – внимательно разглядывая рисунок, сказал мой компаньон. – А, понял. Змея в очках?

– Да, – сказал я. А сам думал, как же это я сообразил-то: совсем ведь не похоже на змею в очках. Пропорции не соблюдены – змея больше мальчика. Не шибко талантливый художник рисовал.

– Кто это нарисовал? – спросил мой компаньон.

– Сын, – сказал гончар. – А что, хороший рисунок? Может, сменяемся на что-нить?

– А где он? – спросил я.

– Сын-то? Я почём знаю. Бегает где-то.

Бегает, подумал я, кто бы сомневался.

– Чего встал? Пошли, – уже от двери сказал мой компаньон.

– Это я возьму с собой, – сказал я и взял рисунок.

– Э! – сказал гончар. – Куда потащил?

– Я принесу что-нибудь взамен, – сказал мой компаньон.

И мы что?

Правильно – побежали.

XII

Пацана мы нашли через час на реке – он ловил рыбу удочкой. На вид ему было лет двенадцать. Место было красивое: тихая река, плавно катящая свои воды к оранжевому океану, и орёл высоко в небе. Следит он за нами, что ли?

Хоть кто-то тут не никуда не бежит, подумалось мне.

– Это твоё? – спросил компаньон, сунув под нос рыбачку бумажный лист.

Что-то в этом есть – не тратить время на всякую словесную шелуху.

– Моё, – ответил сын гончара, коротко посмотрел на рисунок.

– А почему ты это нарисовал? – спросил я, присев рядом на корточки и положив руку ему на плечо – на всякий случай. Непохоже, что он собирается убежать, но кто знает...

Парнишка посмотрел на мою руку на своем плече и ответил, глядя на меня исподлобья:

– Захотел и нарисовал.

– Ты где-то это увидел? – спросил я негромко.

Сами понимаете, злиться в моём положении – удовольствие непозволительное.

– Да, – ответил сын гончара.

– Где? – спросил компаньон.

– На озере. Они купались.

– Никита плакал?

– Чего? – удивился сын гончара.

– Мальчик плакал? – покосился с лёгким недовольством в мою сторону компаньон.

– Нет, – сказал сын гончара. – Чего ему плакать. Наоборот. Если бы у меня был такой змей, я бы тоже радовался.

И это «тоже» больно кольнуло меня в самое сердце.

Мальчик мой. Что он такое с тобой делает, почему тебе хорошо без нас, так быть не должно, не должно быть так.

– О каком озере ты говоришь? – слава богу, хоть компаньон мой был деловит и напорист.

– Возле рощи ореховой.

– А кто там живёт?

– Болтун-спаситель.

– Кто? – спросил я невольно.

Можете обвинять меня в черствости. Но скажите, положите руку на сердце, – вы бы не удивились?

Ответа, однако, я не услышал. Точнее мне не дали его услышать.

– Пойдем, – потянул меня за собой компаньон. – Я знаю, где это.

XIII

Орехи оказались похожими на грецкие, а болтун-спаситель – на проповедника. Был он кряжистый, с окладистой бородой, и по крайней мере внешне на высокое звание болтуна-спасителя тянул вполне. Мы нашли его на берегу озера возле кучки орехов, которые он разламывал при помощи ножа.

– Да, поистине так, – сказал он, выслушав нас. – Зрел я очами своими мальчика и зрел змея. И говорил он со мной. И рёк мне змей долго и велеречиво...

– Что рёк? – спросил я. Торопливо спросил. Очень знать хотелось.

– Да ерунду всякую рёк, – убавил пафоса болтун-спаситель. – Похоже, он сомневался в чём-то. Очень, знаете ли, многоречивый змей попался.

– А ты просвети нас, – неторопливо сказал мой компаньон, умащиваясь на оранжевом бережку оранжевого озера. – Что за ерунда, куда пошёл, что делал.

– Да говорил, дорога начатая должна быть закончена, – с хрустом лопнул очередной орех. – Иначе это будет без толку – кому нужна дорога, которая никуда не привела? И если судьба даёт возможность сделать себя таким, каким ты хочешь быть, то надо не раздумывая за соломину эту хвататься, и тогда, может, спасешься и исполнишь то, для чего рож-

дён был.

Ерундовина какая-то, подумал я. Но всё это лирика, а нам нужны факты.

– Когда это было?

– Вчера утром беседу эту вели мы. (Крак! еще один орех.)
Ежели тебе сильно их увидеть надо, то может ещё и успеешь.

– Так разве они не ушли? – спросил я.

– Не должны, – сказал болтун-спаситель. – Он сказал, что им тут надо побыть, чтобы впитать в себя этот мир. Так, что ли... – и уже уверенно: – Да, что-то в этом роде. Такой вот бред.

Крак!

Бред ли, ой ли, подумал я.

– Пошли, – сказал я, глянув на компаньона.

– Многие в этом мире не доходили до цели, поелику недослушав до конца людей разумных и дороги не разузнав, к цели своей летели, думая, что летят точно, а сами, аки стрела, пущенная с небрежением, понапрасну силу тратили, – сказал проповедник внушительно.

Крак!

– А и в самом деле, – сказал компаньон, – куда нам пойти-то?

– В роще они, – сказал проповедник.

Мой компаньон тут же упруго вскочил, подошёл ко мне и протянул сложенные пригоршней ладони:

– Возьми.

Камушки.

Полупрозрачные. Оранжевые. Окатанные волной.

На вид совершенно обычные, похожие на округлые стекляшки. Таких под ногами у нас – целый берег.

– Возьми, – сказал болтун-спаситель.

– Зачем мне это? – спросил я.

– Не отказывайся от того, что судьба посылает. Грех!

– Давай, давай, – сказал мой компаньон, ссыпая камушки в карман моего халата. – Здесь это пыль под ногами, а в других местах – кто знает... Выбросить всегда успеешь.

Да хрен с вами! подумал я, привязались с этими камешками... Есть дела поважнее.

– Где эта роща?

XIV

– Они были здесь.

Компаньон мой исследовал полянку. Остатки костра – компаньон сел на корточки и сильно дунул на подернувшиеся пеплом угли. Пепел закружился, срываясь с угольев, и те зардели последним светом умирающего огня.

– Ещё теплый.

Я смотрел на него – надежда была только на него, следопыт-то из меня тот еще. До сих пор как-то удачно всё складывалось: и было кому подсказать, и ясно было, что делать. А что теперь? – я совершенно не представлял.

Компаньон осмотрел траву вокруг кострища.

– Картошку пекли, – это он поднял и зачем-то понюхал пригорелые кожурки. Прошелся по поляне, постепенно удаляясь от кострища по спирали.

– Здесь они спали, – ткнул пальцем в кучу привядшей травы. Присел на корточки. – Не пойму, как они столько сена наготовили... Не руками же рвали.

Взял травинку и, разглядывая рваный кончик, добавил задумчиво:

– Хотя, может, как раз руками.

Когда он добрался до края поляны, туда, где росла высокая трава, я уже и не смотрел на него, но тут он сказал:

– А вот и змей.

Из высокой оранжевой травы, большими оранжевыми немигающими глазами, сквозь оранжевые очки на нас смотрела большая оранжевая змеиная голова.

Я вскочил на ноги и решительно зашагал к бабайке. В том, что это был мой знакомый медвежонок, странным образом обернувшийся змеем, я нисколько не сомневался. Злоба душила меня так, что сердце моё бухало, отдаваясь в виски, в кончики сжатых в кулаки пальцев, в колени, дрожащие от нервного возбуждения.

– Г-где мой сын, тварь!

От злости я иногда начинаю заикаться. Это у меня от мамы.

Путаясь в высокой траве, я подошел к змеиной голове и врезал от души с правой. Мой разящий кулак скользком прошёл по шершавой змеиной щеке, обдирая кожу на костяшках. И я потерял равновесие.

Но не упал.

Когда я сильно зол, я слишком вкладываюсь в удар и промахиваюсь. Это у меня от отца.

И кстати, можно так говорить – змеиная щека?

– Эй, погоди! – змей прынул назад, качая головой влево-вправо.

– По-моему, он хочет что-то сказать, – сказал мой компаньон. В этот момент он был сильно похож на Грегори Пека в «Золоте Маккены». Те же спокойные интонации, тот же уверенный взгляд.

– Т-ты слышал вопрос? – и я попытался ударить слева.

На этот раз я промазал не по своей вине. Змей вроде бы и небыстрым, но точным движением уклонился, и мой кулак снова прошёл мимо.

И я упал. Лицом в траву. Перевернулся на спину и увидел прямо перед своим лицом змеиную морду.

– Послушай меня. – Внушительные зубы, подумал я. – Я не желаю с тобой биться. Я вообще надеюсь, что нам не придётся с тобой биться. Пойми, есть судьбы отличные от тех, что ты можешь предложить.

Так шипел он, качаясь пред моим лицом и капая слюной с острых зубов.

– Где мой сын?

– Он жив, здоров и весел. Пройдет немного времени, и он будет счастлив. Ты хочешь, чтобы твой сын был счастлив?

И тут я пнул его. Может быть Брюс Ли или Ван Дамм смогли бы сделать это из положения лёжа на спине получше, у меня же не получилось. То есть, пнуть-то я его пнул, но было это змею словно слону дробина. Змей даже не вздрогнул, а я выбил себе большой палец на правой ноге.

Мгновение змей немигающим взглядом смотрел мне в глаза, а потом пополз прочь. Я попытался вскочить, и тотчас словно дубина обрушилась мне на голову.

И стало темно.

XV

– Эй, очнись, – кто-то бил меня по щекам.

– Где он?

– Уполз, – мой компаньон снова шлепнул меня по щекам.

Похоже, ему это нравилось, иначе с чего бы ему замахиваться снова?

– Хватит, – сказал я и обхватил свою бедную голову, потому что болела она сильно. Неприятную такую болью, тягучей и нудной. – Что это было?

– Хвост, – любезно пояснил мой товарищ. – Он напоследок махнул хвостом и попал тебе по голове. И знаешь, – тут он перешёл на заговорщицкий шёпот, – мне показалось, что он сделал это специально.

Я внимательно посмотрел на него. Прямо глаза в глаза.

– Не стоит так переживать, – всё так же серьёзно сказал мой компаньон. – Подумаешь, упал, зато у тебя есть то, чем не каждый боец может похвастаться.

– В самом деле? – отчего-то я почувствовал себя польщённым. – И что это?

– Стиль, – незамедлительно откликнулся мой компаньон. – Совершенно оригинальный и неповторимый стиль. Такого я не видел ни у кого.

– Хорош глумиться, – мрачно сказал я. – Куда он уполз?

– Не волнуйся. Ты был без сознания минуты две, не боль-

ше. И он оставляет след.

– След?!

– По крайней мере, в траве.

Я вскочил на ноги, и тут же был вынужден присесть на корточки – в голову прострелило просто немилосердно.

– Ты можешь идти? – тихо спросил, склонившись ко мне, мой товарищ.

– Да, – ответил я. Будто у меня есть выбор.

Товарищ мой не соврал, примята трава чётко указывала, куда идти. И мы побежали по следу. Кое-где, там, где трава была коротка, след терялся, становился еле различимым, но, приглядевшись, всё равно можно было найти колею, оставленную большим оранжевым змеем.

Мы шли, то есть что я говорю – бежали, конечно – бежали по следу примерно с полчаса. И выбежали к дому совершенно примечательному. Я уже говорил, насколько бардачно выглядят здесь дома? Так вот, по сравнению с этим домом, то были шедевры архитектурной мысли. Этот же дом строил не только ленивый, но и безумный строитель. Впрочем, меня в тот момент это обстоятельство волновало мало.

Змеиный след обрывается у дверей этого дома – вот что было главным.

– Чей это дом?

– Поэта.

– Поэта?

– Того, кто слагает стихи, – пояснил мой компаньон. – Ну

что, заходим?

– Да, – сказал я. – Конечно.

XVI

– Стоять! – человек, сказавший это, выглядел не слишком внушительно. В отличие от арбалета, который он целил на нас. – Кто такие? Что вам надо?

И человек с арбалетом уперся задом в столешницу стола, устраиваясь поудобнее. Внутри дома всё было на удивление прилично, если, конечно, не принимать во внимание этого типа с арбалетом.

– Мне, в общем-то, ничего, – аккуратно сказал мой компаньон. – А вот у товарища моего дело есть к твоему гостю.

– Потихе, – сказал змей. – Ребёнок спит.

Это я и сам видел прекрасно. Никита спал в углу в большой корзине, свернувшись калачиком, и мне было видно, как тихонько ходит туда-сюда грудь моего мальчика.

Малыши, они даже во сне дышат часто.

Я смотрел на змея гигантским кольцом обернувшегося вокруг корзины, в которой спал мой мальчик. Мне подумалось, что рисунок-то не врал – пропорции были именно такие.

Время к полудню, а мой мальчик спит. Тут что-то не то. Ёлки-палки, почему он спит?

– Почему он спит? – шагнул я было к сыну, но поэт, шевельнув арбалетом, меня остановил.

Назовите меня трусом, но умирать мне никак нельзя.

– Ты зря пошёл, – сказал змей.

– Не тебе судить, – ответил я.

– Но раз пошёл... тогда не торопи события. Всё решится не здесь и не сейчас. Тебе везёт. Значит, мы еще встретимся.

– Обязательно, – сказал я сквозь зубы.

– Ты помнишь уговор? – сказал змей.

– Какой еще уговор? – спросил я, нетерпеливо переступая на месте.

– Ты не волнуйся так, – тихо сказал мой компаньон. – Это вредно для здоровья.

– Конечно, помню, – сказал поэт. – Пять минут.

– И пять лет безбедной жизни, – сказал змей. С этими словами он аккуратно взял корзину в зубы и скользнул к шкафу.

Шкаф. До этого я просто его не замечал. Даже удивительно.

Большой платяной шкаф с распахнутыми створками. Дверцы на рояльных петлях. На одной из них зеркало.

У нас такие шкафы делали еще при Сталине.

Змей мягко скользнул в шкаф, унося моего мальчика. Только хвост мелькнул. И створки плавно закрылись за ним.

– Я прошу тебя, – сказал поэт. – Ты мне чужой, мне до тебя дела нет. Поэтому если ты дернёшься, я выстрелю, не сомневайся. Но я не люблю убивать. Не моё это дело.

И он перевернул большие песочные часы, стоявшие на столе. Песок тонкой струйкой потек из верхней половины в нижнюю.

– Ты не понимаешь, – сказал я.

– Да всё я понимаю, – сказал лениво поэт. – У него твой сын – он мне сказал.

– Так пропусти меня.

– Нет.

– Отчего же?

– Ты же слышал. Пять лет безбедной жизни.

Я посмотрел на своего компаньона. Тот с любопытством следил за нами.

Не укладывалось в голове моей всё происходящее никак. Всего можно было ожидать, но чтобы на пути моём встал, так сказать, коллега Пушкина и Блока...

А тот стоял, уверенно сжимая в руках арбалет, по-прежнему направленный в мою грудь, солнце освещало его из окна лучами своими, и пылинки искорками плясали вокруг его горделивой головы.

– погоди, – сказал я медленно. – Ты же поэт. Ты же добрым быть должен.

– Что? – сказал поэт скандальным голосом, и арбалет дрогнул в его руке. – Добрым? Да какое мне дело до добра и зла. Я должен чувства в людях будить, чтобы мир этот не спал. А то в своей беготне ежедневной они забывают о том, что такое закат, как прекрасен рассвет, как плавно река воды свои несет к океану, как капли падают с мокрых ветвей на землю, как шумит трава, приглаживаемая ветром. Они не помнят, как роскошен хруст стрелы, туго входящей в плоть, звон клинка встретившего на пути своем сталь, плавное па-

рение орла в небесной выси. Пусть люди будут хотя бы злы, потому что лучше быть злым, нежели равнодушным. Спроси у любого, кто встретится тебе на улице – что прекраснее? Море или болото? И каждый ответит – море! Потому что море прекрасно даже в шторм, а болото всегда болото. И посему пусть будет в сердцах их жажда чего-нибудь. А мой долг – это что-то найти. Чтобы чуть чаще забилося сердце.

Так говорил он, и песок продолжал струиться в песочных часах, а он всё говорил, говорил, говорил. Про то, что дух поэта должен быть свободен, что думать о еде поэту не пристало, что за год можно многое успеть, а за пять лет так вообще, и слова его гонгом отдавались у меня в висках.

Наконец последняя песчинка упала на вершину песчаного холмика.

– Всё, – сказал он. – Можете идти.

И разрядил арбалет в стену.

Я подошел к нему и ударил с правой. По лицу. На этот раз я не промахнулся, потому что вся злость, бушевавшая в моём сердце, перекипела за эти пять минут. Поэт устоял на ногах. Рукавом стёр он кровь, выступившую на губах, и сказал:

– Имеешь право.

4. По следу жёлтого дракона

I

На этот раз я вывалился в комнату. Большую пустую комнату. Широкое светлое окно в полстены и дверной проём. Пол, покрытый... паркетом? Всё жёлтое.

Что ж, этого можно было ожидать. Каждый охотник желает знать...

Некоторое время я смотрел на исчезающее отверстие перехода. Еще можно было видеть, как медленно, очень-очень медленно смыкаются створки шкафа, а потом отверстие беззвучно схлопнулось, полыхнув напоследок оранжевым.

Я подошел к окну и увидел, что за окном – город. Мегалополис.

Башни желтых небоскрёбов, потоки желтых машин. Изредка желтое небо беззвучно прорезали мошки вертолётов.

Всё это с высоты примерно сорокового этажа

– Привет.

Я обернулся. В дверном проеме, небрежно опершись о косяк и скрестив на груди руки, стоял молодой азиат. Ну то есть у него были азиатские черты лица. Симпатичный такой желтый узкоглазый парень с повадками плейбоя.

– Добрый день, – сказал я и шагнул к нему.

Рука плейбоя быстро скользнула за отворот пиджака, под левую мышку.

– Не надо, – сказал он. – Лучше стой, где стоишь.

Я остановился. Не жест его меня остановил, но интонация. Было похоже, что парень быстр, и если надо, действует не задумываясь.

Он помолчал, разглядывая меня. Не знаю, удовлетворил ли его осмотр, но он кивнул – вроде как сам себе, и неторопливо сказал:

– Я купил эту квартиру неделю назад. Здесь ещё ничего нет. Но вот я открываю дверь своим ключом, – он махнул зажатой в левой руке маленькой карточкой, на вид из пластика, – и в своей будущей спальне вижу тебя. На тебе артефактный халат, – здесь он усмехнулся. – Мне кажется, я имею право спросить. И я спрашиваю. Ты кто такой?

– С кем это ты разговариваешь? – за плечом парня возникла девушка. Тоже азиатка. На вид гибкая и стройная. Если бы она была не столь монохромна, то я бы назвал её симпатичной.

– Он был здесь, когда я вошёл, – не отводя от меня взгляда, сказал парень.

– Ага... пришелец... а говорят, газетам нельзя верить, – сказала девушка. – А ну, сними халат!

– Ты хочешь на него посмотреть? – парень посмотрел на девушку и улыбнулся. Тут же перевёл взгляд обратно на меня и снова посерьезнел. – Эй, она не шутит.

Ой, как я влип. Ладно, будем аккуратны. Я подчеркнуто небыстро снял халат, переложил его в правую руку, и медленно отвел её в сторону.

Любуйтесь.

– Кинь его туда, – он показал рукой в правый от себя угол.

Я так и сделал. Они внимательно осмотрели меня.

– Повернись спиной, – сказал парень. Я повернулся, не отводя взгляда от этой пары. – К слову. Если ты откроешь окно и выпрыгнешь, мы не будем возражать.

Девушка усмехнулась и подошла к халату. Села на корточки, быстро и внимательно осмотрела его.

Снаружи.

Изнутри.

Прощупала воротник.

Запустила руку в карман. Вытащила из кармана сжатый кулак, и раскрыла ладонь. Камушки сверкнули чистым оранжевым светом.

Парень посмотрел на меня, и ничего его узкие жёлтые глаза не выражали.

Абсолютно ничего.

– Ну что ж, – сказал он. – Вот теперь, похоже, нам есть о чём поговорить.

II

На большой просторной кухне были стол, пара стульев, холодильник и микроволновка. Во всяком случае, я решил, что это микроволновка. Из пакета, что они принесли с собой, парень вынул бутылку какого-то напитка и четыре сандвича.

Мы с парнем сидели за столом, девушка сидела на подоконнике.

– Я слышал о подобных тебе, – сказал парень, – У тебя нет ключей, это мы установили совершенно определённо. Конечно, может быть, ты их выкинул в окно, но мы в это не верим.

– Рассказывай, – потребовала девушка. – Как ты сюда попал?

И я рассказал.

В подробностях и тщательно избегая всяких цветных прилагательных.

Надо сказать, что слушали они внимательно. И у меня ни разу не возникло ощущения, что они мне не верят.

– Что ж, – сказал парень, когда я закончил. – Внешность твоя, артефактный халат, и камешки.

– Значит, ты не врёшь, – сказала девушка.

– Тогда тебе нужна помощь.

– Мы можем тебе помочь.

– Назови цену, – подытожил парень.

Чёрт, подумал я. Чёрт возьми, они или не понимают, или издеваются.

– У меня ничего нет, – сказал я и, сказавши это, тут же сообразил, какого ответа они ждут от меня. – Кроме этих камней. Я могу отдать вам половину. Если конечно мы найдем то, что мне нужно.

Парень вопросительно посмотрел на девушку. Та отрицательно, чуть заметно мотнула головой. Парень мягко кивнул ей в ответ.

– Должен предупредить тебя, – сказал он мне. – Цена, названная тобой, слишком велика.

Ого! Спасибо тебе, мой оранжевокожий товарищ.

– Насколько велика?

– Она примерно раз в двадцать превышает сумму, за которую мы бы взялись за это дело.

Вот как? Обалдеть, подумал я, только для меня это всего лишь оранжевые камешки. Какая разница.

– Милый, – сказала девушка с нажимом.

– Милая, – сказал парень спокойно, – он должен знать. И ты это знаешь.

Девушка отвернулась к окну.

– Ладно, – сказал я. – Это ерунда, совершенно для меня неважно.

– Что ж, – быстро сказала девушка. – Мы вас предупредили.

– Нам всё равно понадобились бы средства на снаряже-

ние, – сказал парень. Непонятно только было, к кому он обращается – ко мне или к ней.

– А чем вы вообще занимаетесь? Профессия? – спросил я. Мудро, не правда ли? Сначала заключить сделку, а потом выяснять, с кем имеешь дело.

– Мы берёмся за разные дела. Если у нас не получается, мы возвращаем две трети.

Это сказала девушка. Кто ж в их тандеме ведущий?

– То есть треть в любом случае ваша? Умеете вести дела..., – сказал я с улыбкой и осёкся.

Слишком явственно сверкнула ярость в глазах этой парочки.

– Репутацию не купишь, – сказала девушка.

– А разве у вас не бывало так..., – начал я после непродолжительной тишины, – Что кто-нибудь... плохо выполняет свои... обязательства, – подобрал наконец слово.

– Бывает, конечно, – сказал парень. – Накидает какой-нибудь придурок в тележку больше, чем тележка...

Он меня не понял. Он действительно меня не понял.

– Ладно, треть так треть, – сказал я. – Куда мы направимся первым делом?

Похоже, это мир честных и вооружённых.

А я не совсем честный и совсем, совсем невооружённый.

III

Штаб развернули прямо в квартире. Парень куда-то позвонил и через час нам доставили два компьютера (он называл их вычислителями), почему-то шесть мониторов, два стола, три офисных кресла с высокими спинками, и провиант. Тех, кто доставил всё это, я не видел – меня попросили не высовываться. Прямо в той комнате, куда я выпал, они подключили свои лаптопы и доставленные вычислители к сети.

– Для начала отдадим дань традиции, – парень сел на свое наскоро оборудованное место и хрустнул пальцами. – Меня зовут... ну, скажем, Лю.

Выглядел он как оператор матричного корабля. В высоком кресле, за двумя мониторами, прямо перед ним клавиатура, слева – лаптоп, в правом ухе – наушник.

– Я – Линда, – сказала девушка, глядя в монитор. Он сидела за таким же местом, с единственной разницей – перед ней торчали четыре монитора

– Хорошее имя, – улыбнулся Лю.

– Григорий.

Вот мы и знакомы, подумал я.

– Первым делом, мы должны прикинуть возможные места перехода, – продолжал Лю. – В первый раз это был стол. Второй раз – шкаф. Можно ли делать какие-то выводы?

– Не пытайся строить кривую по двум точкам, – заметила Линда.

– Значит, всё что угодно, – согласился Лю. – Всё необычное. Всё странное. Особое внимание новым артефактам. Раньше завтрашнего вечера круг сузить вряд ли удастся.

И понеслось.

Пальцы Лю летали по клавиатуре, снова и снова забивая строку поиска. Линда анализировала информацию, которую кидал ей Лю, двигая мышью и взрываясь иногда шелестом клавиш. Я сидел подобно чурке и лишь отвечал на вопросы, которые изредка задавала мне Линда. Причём вопросов этих я не понимал вообще. То есть я их понимал, но не понимал, почему именно эти вопросы. Через два часа было отобрано 142 факта, которые показались им интересными.

Перерыв. Время обеда.

Перекусить, посетить туалет. Надо, кстати, разобраться, что там к чему. А то уж больно он навороченный.

– Мало, – сказала Линда, энергично поедая что-то вроде пиццы. – Уже после первого приближения останется не более пятнадцати. Мало. Надо хотя бы еще пятьсот. Тогда только получим приличную вероятность.

– Хоть какая-то у тебя есть версия? – Лю сидел на подоконнике с пластиковой бутылкой в руке и смотрел за окно.

– В сети попался мне любопытный термин – Призма мира. Суть – наш мир, это не весь мир, а всего лишь часть его.

– И что в этом такого необычного? – приподнял брови

Лю. – Ясно, что есть другие миры, кроме нашего.

Я сделал из листка бумаги самолетик.

– Ты торопишься, – сказала Линда, и Лю заткнулся. – Я имею в виду не космологию. Гипотеза такая: наш мир – это всего лишь часть мира, отобранная по какому-то признаку. Есть другие части-миры. Суть этого признака я не уловила. Нигде об этом прямо не говорится. Ясно только, что это какое-то качество, присущее только нашему миру. Выводы из этого вытекают самые разные... например, что миры могут быть взаимоисключающими, ну как свет и тьма, а есть совершенно бредовые, например, что есть мир, в котором все эти признаки есть.

Я открыл окно и пустил самолётчик. Он пошел по прямой пологой траектории. Не часто удается сделать такой удачный самолетик.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.